

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В.С. ПИРУССКОГО, В.П. КАЩЕНКО, С.Т. ШАЦКОГО (1895 г. – НАЧАЛО XX в.)

Представлен генезис и первые опыты стран Западной Европы по реализации идеи загородных летних «ваканионных колоний» для учащихся начальных школ. Рассмотрены попытки российских деятелей по организации внешкольной оздоровительной и воспитательной работы с физически ослабленными детьми и подростками из бедных семей. Представлены цели, задачи, кадровые и финансовые сложности осуществления экспериментальной работы в российских негосударственных детских учреждениях, созданных по инициативе врачей и педагогов.

Ключевые слова: внешкольные учреждения; детский лагерь отдыха; оздоровительная колония; социальная и общественная работа; зарубежный опыт; воспитательная практика.

В настоящее время в России существует достаточное разнообразие детских оздоровительно-воспитательных учреждений, которые широкой общественностью, родителями и детьми воспринимаются как давно устоявшаяся норма. Среди них – круглогодичные загородные санаторно-лесные школы для физически ослабленных ребятишек, городские детские сады и школы-интернаты санаторного типа, летние детские оздоровительные лагеря, летние лагеря труда и отдыха для подростков, лагеря спортивно-военизированной направленности, предполагающие наряду со специализацией физическую закалку и укрепление здоровья воспитанников. Появляется основание задаться вопросом о времени и месте зарождения идеи создания и развития подобных учреждений, об именах основоположников такого социально значимого направления в нашей стране.

Анализ зарубежной оздоровительно-воспитательной практики свидетельствует о том, что некие отдельные прообразы вышеперечисленных учреждений впервые появились в конце 1870-х гг. в Швейцарии в виде дачных или школьных «ваканионных колоний», организованных в деревнях для слабых здоровьем учеников из школ г. Цюриха. Спустя некоторое время этот пример получил распространение во многих кантонах Швейцарии, затем к такому интересному начинанию подключились крупнейшие города Германии, которые стали ежегодно посылать учащихся начальных школ на летний отдых.

В 1881 г. сообщество врачей г. Варшавы (в тот период Польша входила в состав Российской империи) организовало первую детскую оздоровительную колонию; в 1882 г. небольшая группа частных лиц г. Петербурга устроила первую школьную дачу в деревне на 25 учеников. Инициатива встретила понимание и получила дальнейшее развитие: в 1886 г. было основано Парижское общество летних колоний, организовавшее отправку 517 школьников на дачи. Инструкция Парижского общества летних колоний даёт чёткое представление о целевых установках «ваканионных колоний»: это учреждения оздоровительно-профилактического назначения для физически ослабленных учащихся начальных школ, причём при отборе детей полагалось отдавать приоритет «наиболее бедным из слабых» [1].

Европейские организаторы этих первых опытов понимали, что первоочередная задача загородных колоний – восстановление здоровья при помощи чистого

воздуха, естественных движений, опрятности, хорошего питания и развлечений. В 1880-е гг. летние колонии для укрепления здоровья школьников из бедных семей получили в Европе достаточно широкое распространение (Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Англия, Испания, Норвегия, Швеция), приобрели прочный статус и завоевали симпатии населения этих стран. Обобщённый опыт названных стран показал, что пребывание ослабленных детей в течение нескольких недель при самой простой, но здоровой обстановке на свежем воздухе сказалось на здоровье детей целительным образом: «они посвежели, окрепли, отдохнули и вернулись в город с новыми силами и обновлённым организмом» [1].

Заметим, что название «колония», заимствованное Россией у зарубежных коллег, по причине недостаточной разработанности терминологии означало в современном понимании «загородный лагерь детского отдыха». Можно с полной уверенностью предположить, что в образованных кругах российской интеллигенции в 1890-е гг. возник немалый интерес к этому распространившемуся в европейских странах социальному движению.

В этой связи подчеркнём, что история российской образовательно-воспитательной практики 1890-х гг. – первой четверти XX в. также изобиловала множественными лечебно-оздоровительными и воспитательно-образовательными экспериментами, которые сегодня по праву могут быть определены как источник инновационных форм, методов и содержания внешкольной педагогической работы с детьми и подростками из социальных низов. Среди авторов и реализаторов этих социально значимых инициативных начинаний необходимо назвать имена известных российских общественников, представителей сферы образования и медицины. В данной статье считаем правильным рассмотреть в составе одной группы деятельность томского врача и общественника В.С. Пирусского, вошедшего в историю как «сибирский Лесгафт»; практикующего московского врача В.П. Кащенко и московского педагога-энтузиаста С.Т. Шацкого – на основании многих общих черт в их трудной, но благородной поисковой деятельности социального характера. Анализ позволяет утверждать, что их инициативную творческую деятельность объединяет родственное проблемное поле экспериментальных поисков и находок в организации практической работы с детьми и подростками, которое

вписывается в единое оздоровительно-воспитательное пространство, в так называемую лечебную педагогику. Указанные нами персоналии оставили значительное наследие в педагогике, медицине, социальной работе, в разработке и внедрении педагогических инноваций, однако в данной статье мы акцентируем преимущественное внимание читателя именно на оздоровительных аспектах их лечебно-педагогической деятельности в детских учреждениях.

«Лечебную педагогику» как доминирующую сферу деятельности этих замечательных людей при анализе их творческих начинаний сегодня и соотечественники, и зарубежные исследователи понимают и определяют не только как соматическое, но, прежде всего, как социально-нравственное оздоровление подрастающего поколения дореволюционной России. Анализируя социальную ситуацию 1890-х гг. – начала XX в., необходимо дать биографическую характеристику персоналий, указанных в названии статьи.

Владислав Станиславович Пирусский (1857–1933) – выпускник медицинского факультета Московского университета, основатель и председатель Томского общества практических врачей, которое занималось не только вопросами медицины, но также интересовалось и поддерживало передовые стремления в общественной жизни. В основу деятельности Общества врачей под руководством Владислава Станиславовича было положено стремление к борьбе с причинами, вызывающими человеческие страдания, поиски идеала физически и нравственно здорового человека. Именно стремление В.С. Пирусского достигнуть идеала стало причиной создания им в 1895 г. нового объединения – Общества содействия физическому развитию, и вновь под его председательством. Он инициатор и организатор летних оздоровительных колоний для физически ослабленных мальчиков и девочек младшего школьного возраста, проживающих в социально неблагополучных семьях с ничтожно малым достатком.

Всеволод Петрович Кащенко (1870–1943) получил медицинское образование в Киевском университете, работал практическим врачом, один из первых организаторов обучения умственно отсталых детей. В 1908 г. организовал в Москве частную школу-санаторий для детей с трудностями поведения в результате педагогической запущенности, среди которых были дети с интеллектуальной недостаточностью. Разрабатывал вопросы клинического, социального и психолого-педагогического изучения аномальности ребёнка. Создал оригинальную систему обучения и воспитания так называемых трудных подростков, а также детей с нарушениями ЦНС, в которой акцентировал приоритетную роль лечебно-оздоровительных мероприятий с целью компенсации дефектов.

Биографические данные этих двух замечательных деятелей дают основание предполагать, что таким прекрасным образованным интеллигентным людям вполне можно было бы заниматься только своей профессиональной деятельностью без каких-либо дополнительных социальных нагрузок. Однако Пирусский и Кащенко помимо непосредственной врачебной деятельности были глубоко погружены в решение наболевших социальных проблем. Так, В.П. Кащенко, будучи глав-

ным врачом в Дмитровском уезде Московской губернии, вёл культурно-просветительскую работу среди медицинских работников и обслуживающего персонала больницы. А серьёзный человек В.С. Пирусский, имеющий репутацию лучшего доктора-практика, с общественным положением и значительным авторитетом, в 1890-е гг. организовывал продуктовую помощь бедствующим переселенцам Томской губернии и материальную помощь бастовавшим почтовым служащим.

Станислав Теофилович Шацкий (1878–1934) окончил отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета и параллельно Московскую консерваторию по классу вокала. Со своими двумя высшими образованиями С.Т. Шацкий вполне мог стать преуспевающим преподавателем лучшей гимназии либо, как блестящий выпускник консерватории, солистом Большого театра в Москве. Однако он пошёл по своему пути, избрав делом жизни служение на педагогическом поприще, и в 1905 г. одним из первых в России создал клуб для детей и подростков рабочих окраин Москвы. В 1906 г. при поддержке единомышленников и соратников А.У. Зеленко и Л.К. Шлегер организовал общество «Сетлемент», фактически клуб с различными кружками, студиями и мастерскими, в которых ребята могли приобретать предметные знания, первичные трудовые ремесленные навыки, получать социально-нравственное и эстетическое развитие. Под руководством С.Т. Шацкого в последующие годы (1911–1913) клубная деятельность стала круглогодичной за счёт продолжения работы в летней колонии с оптимистическим названием «Бодрая жизнь».

Общими характеристиками педагогических экспериментов для всех троих названных деятелей являются средства воспитания в широком понимании. Перечислим и охарактеризуем основные из них.

Временная изолированность детей на несколько недель и более от привычного семейного окружения в летних колониях, в школе-санатории у В.П. Кащенко. Причинами необходимой изоляции явились следующие обстоятельства. Известно, что детский контингент в экспериментальных учреждениях В.С. Пирусского и С.Т. Шацкого представлял собой педагогически запущенных детей, испорченных неблагополучным семейным и социальным окружением, видевших и даже познавших все «прелести» взрослой жизни: нищету, пьянство, разврат, воровство. Естественно, проживающие в подобных условиях дети, социально обездоленные, нравственно неблагополучные, были физически ослабленными, а многие из них в результате многолетнего недоедания – золотушными, предрасположенными к заболеванию туберкулёзом, с расшатанной нервной системой. Организаторы эксперимента полагали, что изъятие, хотя бы временное, таких детей из неблагоприятной обстановки будет надёжным способом ознакомления ребят с иным образом жизни, отличным от прежних семейных бытовых условий, вредных привычек и асоциальных установок. Считалось, что в новых условиях у детей появится возможность приобрести полезные для здоровья санитарно-гигиенические привычки и некоторые социально-поведенческие и коммуникативные навыки.

Оздоровительное влияние природы. Основанием рассчитывать на оздоровительное влияние природных условий для российских экспериментаторов в значительной мере явился опыт зарубежных коллег, а также популярное учение французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо. В XVIII в. французский теоретик обосновал теорию о необходимости изоляции детей (из аристократических семейств) от тлетворного влияния порочной городской среды на умы и нравственное созревание растущего человека. Таким виделось ему правильное воспитание нравственной личности. По всей видимости, совершенно обоснованно врачи В.С. Пирусский, В.П. Кащенко и педагог С.Т. Шацкий приняли только часть этой теории в качестве аксиомы – воспитывать ребёнка вдали от городской суеты, на лоне природы, способствующей формированию физического здоровья и благотворно влияющей на развитие этико-нравственных качеств. Собственный опыт вкупе с обобщённой зарубежной практикой позволил нашим соотечественникам утвердиться в эффективности целительного воздействия сил природы на физическое и социально-нравственное здоровье детей. Именно по этой причине томский врач В.С. Пирусский организовывал летние колонии только в сельской местности – в пригородах Томска, в деревнях Кисловка, Басандайка (ныне Межениновка), Головинина. Для укрепления здоровья городских детей, проводящих в течение долгого учебного года значительную часть времени в переполненных школах, в непроветренных классах, в спёртом воздухе, пребывание на чистом воздухе хотя бы на протяжении нескольких недель в течение короткого сибирского лета виделось жизненной необходимостью [2].

Летние колонии С.Т. Шацкого с оптимистическим названием «Бодрая жизнь» в 1911–1913 гг. также были устроены далеко от Москвы, в Калужской губернии. И школа-интернат санаторного типа под руководством В.П. Кащенко для детей с нервными расстройствами, организованная в 1908 г., располагалась в арендованном двухэтажном деревянном доме, с прилегающим к нему большим садом в хорошо озеленённом, экологически чистом районе далеко от центра Москвы.

В учреждениях всех трёх персоналий был утверждён незыблемый **режим**, предусматривающий упорядоченный режим питания, сна, физкультурно-гигиенических процедур, трудовой деятельности, развивающих досуговых мероприятий. Так, в школе-санатории В.П. Кащенко повседневный режим рассматривался как важный воспитывающий и психотерапевтический фактор – ровный, действительно санаторный. Всему было определено строгое время и место, расписание неукоснительно выполнялось. Часы занятий, отдыха, развлечений строго подчинялись гигиеническому распределению, ритм его не нарушался. Однако у гуманиста-врача В.П. Кащенко не наблюдалось никакой казарменности в структуре режима, поскольку с учётом интересов детей были вполне возможны некоторые отклонения от строгих режимных рамок. В этом лечебно-оздоровительном учреждении для педагогически запущенных детей с неуравновешенной психикой не было жёсткой принудительности, а педагогически и методически правильно формировалась выработка осо-

знанного отношения воспитанников к требованиям. В безусловности, категоричности требований для всех без исключения закладывалась дисциплина в общепринятом смысле и формирование самодисциплины.

Социализирующие воспитательные **требования** были общими в томских и подмосковных летних колониях, а также и в школе-санатории. Запрещалось употребление бранных слов, не допускались ссоры, драки и воровство. Приведём из статьи издаваемого в Томске журнала «Здоровье для всех» характерный пример, объясняющий необходимость подобных требований:

«Громадное большинство городских детей беднейшей части населения проводит время на улице, слышит такие слова, каких бы лучше им не слышать; видит там такие сцены, на которые лучше бы не смотреть детям, городские дети обращают своё жадное детское внимание на то, что лучше бы прошло мимо них... Думаем ли мы, взрослые, как иногда плохо ведём себя на улице? Следим ли мы за тем, какие слова мы говорим? А между тем, ведь, бывает, – ругательство слетело с языка, а тут, где-нибудь сбоку, или сзади подвернулся мальчик, или прошла девочка, души которых всё время открыты, – и уходят дети, готовые думать про то, что они слышали и унести в жизнь всё, что встретили они на своём пути.

Вот поэтому в последние гг. всё громче несётся крик: возьмите детей от улицы, вырвите их от неё, дайте им пожить настоящей детской жизнью. Дайте им набраться впечатлений хороших и светлых, а не грязных, жестоких впечатлений городской улицы. Дайте им пожить тихой, радостной детской жизнью... И в будущем дети отблагодарят за это вас своей бодрой работой.

Поэтому, если действительно хочешь пользы детям, старайся взамен уличной жизни показать им иную, подходящую для детей» [3. С. 29].

Руководителями летних колоний и школы-санатория к личностным качествам и квалификационному уровню воспитателей, врачей, обслуживающего персонала предъявлялись строгие **единые требования**.

Врач и авторитетный томский общественный деятель, «сибирский Лесгафт», В.С. Пирусский с горечью констатировал, что на дореволюционном этапе не ставилась задача государственного всеобщего **всесловного** воспитания и окультуривания детей как функции и долга государства. Между тем для всех была очевидной необходимость выработки комплекса мер по организации соответствующей воспитательной, образовательной, оздоровительной и социализирующей работы с подрастающим поколением. Владислав Станиславович подчёркивал, что для работы с детьми и подростками требуются не случайные, а знающие, квалифицированные специалисты, и этого требуют не просто академические правила, а сущность дела. Он справедливо утверждал, что сама эпоха требовала создания широкой сети учебных заведений, готовящих как руководящие кадры, так и рядовых исполнителей по социальному воспитанию детей, по профилактике девиантного поведения, по вопросам школьной санитарии, рационально сбалансированного питания детей различного возраста. Особенные требования предъявлялись к подготовке детских врачей, умеющих не только лечить

болезни, но также «руководить культурой ребёнка и развитием взрослых». По твёрдому убеждению Пирусского, все эти задачи мог бы решить созданный институт физической культуры [4].

Требования Пирусского к персоналу в детском учреждении, к уровню образованности, морально-нравственным качествам воспитателей и врачей, наличию у них предрасположенности к работе с детьми, креативности и гуманистических установок были своевременны и необходимы по следующим причинам.

В начале XX в. получила достаточное распространение теория «моральной дефективности», которая без особой дифференциации подразумевала детей педагогически запущенных, так называемых трудных, умственно отсталых, с задержкой психического развития, слабоуспевающих, склонных к бродяжничеству и воровству, недисциплинированных, откровенных правонарушителей. А ведь именно с такими характеристиками дети попадали в школу к В.П. Кащенко (сегодня такая школа называлась бы коррекционной). Для работы с такими непростыми ребятами нельзя было допускать неподготовленного воспитателя, учителя, врача, поэтому руководитель школы проводил систематическую работу с персоналом школы-санатория, объясняя, что недостатки, с которыми приходится иметь дело воспитателю и детскому врачу-неврологу, не означают социальной неполноценности будущего взрослого человека. Он пояснял, что речь должна идти не о дефективности ребёнка, а об «исключительности» ситуации, обусловленной социальным, семейным или педагогическим браком. Руководитель школы-санатория предостерегал: если с медицинской точки зрения состояние ребёнка плачевное – это в компетенции врачей-специалистов. И совсем другой случай, если речь идёт об «исключительных» детях, т.е. педагогически запущенных, имеющих отклонения ЦНС. Эта категория детей, по твёрдому убеждению Кащенко, нуждалась в «лечебной педагогике». Под «лечебной педагогикой» он понимал синтез медикотерапевтических, учебно-педагогических и воспитательных приёмов, имеющих целью выпрямление характера и личности в целом.

Совершенно справедливо объяснял Всеволод Петрович воспитателям, что отклонения от нормы определяются целым рядом факторов, среди которых главное место занимает неблагоприятная семейная и социальная среда. Наследственность же обуславливает не дефект, а лишь предрасположенность к дефекту. А вот «дурная среда и неправильная постановка воспитания» угрожают распространением дефективности и асоциальности (по Кащенко – «исключительности»). Воспитание, утверждал руководитель экспериментальной школы-санатория, может сделать всё: оно может социально погубить ребёнка, и оно же может сделать его социально полноценной личностью, даже если природные задатки данного ребенка не безупречны. Поэтому в основе педагогически продуманного, чётко спланированного учебно-воспитательного процесса должно быть развитие инициативы детей, поощрение их самостоятельности, а основными и весьма эффективными педагогическими средствами он считал ручной и самообслуживающий труд, широкое использование нагляд-

ности и на школьных уроках, и во время прогулок и экскурсий на лоне природы [5].

Вопросы финансирования и материального обеспечения внешкольной работы педагогов и энтузиастов-общественников на дореволюционном этапе заслуживают детального освещения. В этой связи отметим, что отношение муниципалитетов и полицейского управления к руководителям клубов, школ, летних колоний и различных обществ, занимающихся вопросами оздоровительной и воспитательной работы с детьми, было неоднозначным и скорее отрицательным. Особенно трудно складывалась организационно-финансовая ситуация у педагога С.Т. Шацкого. От городских властей ему не было никакой финансовой поддержки на устройство клубов труда и отдыха (1905–1909) для детей социальных низов на окраине Москвы, а затем на организацию отдыха детей и подростков из этого же пролетарского сословия в летней колонии. Поэтому Станислав Теофилович мог рассчитывать только на своё стремление продолжать работу и на реальную поддержку единомышленников-сотрудников А.У. Зеленко и Л.К. Шлегера. Все вместе они зарабатывали средства на содержание клубов и летних колоний чтением платных лекций по вопросам детской психологии, проблемам воспитания, лишь изредка получая малую финансовую помощь отдельных меценатов. С.Т. Шацкий был политически нейтральным человеком, не имеющим к революционным событиям никакого отношения. Тем не менее он постоянно находился под подозрением и надзором жандармского управления, которое предполагало пропаганду социалистических идей в деятельности клубных кружков. В качестве конкретного примера, объясняющего возникновение подобных подозрений, приведём перепечатку (почти дословно) статьи «Ярость монархистов» из газеты «Старая Москва». Эта газета представляла собой еженедельник, печатный орган Союза монархистов, который выходил с января 1908 г. под девизом истребления всякой крамолы. Газета отличалась откровенным антисемитизмом и яростными нападками на все демократические учреждения и организации. Содержание ниже приведённой статьи объясняет причины отсутствия помощи со стороны властей и негативного отношения к деятельности С.Т. Шацкого в целом.

«Школы коммунистов в Москве. Детские клубы „Сетлемент“ – это маленькие республики с полным самоуправлением, где все дела решает сходка из самих детей, где роль учителя (сотрудника) ограничивается ролью машины для включения детских прихотей. Американские сетлементы имеют яркую политическую окраску, в чем им подражают московские. Сетлементы в Америке стремятся выработать из детей будущих партийных лидеров и вожakov – выученики московских тоже имеют большие шансы заседать на местах председателей разных центральных комитетов максималистов. Мальчиков из зажиточных семей не принимают – только уличные мальчики могут стать членами клубов. Главное место в числе предметов заняло преподавание химии. Рассматривают вопросы „житейского“ свойства: что такое порох, отчего бывают взрывы. Все члены клубов старше 14 лет составляют „союз стрелков“.

...Все преподаватели – молодые люди “освободительного” вида, в косоворотках, длинноволосые. Учительницы тоже недалеко ушли от учителей, к этому нужно прибавить, что большинство из них, по видимому, еврейки.

...Чей дьявольский ум изобрёл способ выработки из детей будущих фанатиков-революционеров, с малых лет прививая им парламентские привычки, приучая их к не принадлежащей им непривычной роскоши, научая их чуть ли не изготавливать бомбы и не признавать авторитеты? Пора открыть глаза правительству на эту, безусловно, вредную и могучую организацию, пресечь дело, чтобы из таких школ не выпускать на всю Россию полуобразованных и убеждённых бомбометателей» [6. С. 88].

Что касается вопросов финансового выживания школы-санатория под руководством В.П. Кашенко, то здесь в основу была положена самокупаемость, так как за пребывание ребёнка с нестабильной психикой в школе санаторно-коррекционного типа взымалась родительская плата. В его эксперименте, в отличие от работы учреждений Шацкого и Пирусского, были задействованы дети из среднего класса или из семей так называемой рабочей аристократии, имеющих стабильную трудовую занятость с достаточно высоким материальным вознаграждением.

Без больших затруднений удавалось содержать томские колонии. Организатор Владислав Станиславович Пируцкий, практикующий врач, профессионал высокой квалификации, был авторитетной и достаточно популярной личностью не только в медицинской среде, но также в широких кругах научной интеллигенции, среди членов томского муниципалитета, купеческого сословия, предпринимателей-промышленников – как инициативный общественный деятель, выдвигающий перспективные идеи во благо улучшения социального состояния города. Профессиональный статус, организаторские способности, подвижнические устремления, авторитет и личностные качества Владислава Станиславовича встречали понимание среди интеллигентных слоёв города, облегчали получение финансовой поддержки от городской думы и спонсорской помощи купцов на устройство колоний и на оснащение их всем необходимым. Так, например, из пансиона при мужской гимназии на летний период для первых оздоровительных колоний безвозмездно были переданы кровати, постельные принадлежности. На содержание необходимого для функционирования колонии фермерского

хозяйства (лошади, коровы, сельскохозяйственный инвентарь, жалование наёмным работникам и т.д.) средства выделялись городскими властями. А воспитатели-добровольцы (в основном это были единомышленники В.С. Пируцкого) работали безвозмездно, только пользовались бесплатным питанием за одним столом с воспитанниками. В томских колониях строго упорядоченно и экономно расходовались средства, полученные из разных источников, подробный отчёт осуществлялся за каждый потраченный рубль. В результате рациональной организации дела физически ослабленным и больным детям обеспечивалось сбалансированное полноценное питание в достаточном количестве, с преобладанием молочных продуктов и овощей, полученных от ведения собственного хозяйства.

Подводя итог российских социальных экспериментов, отметим следующее. Обобщённый анализ детских клубов и колоний выявил обязательность выполнения единой целевой установки: создание адекватных оздоровительных и образовательно-воспитательных условий для социализации детей и подростков из малообразованных рабочих семей. Планировалась и фактически вполне успешно реализовывалась оживлённая, разнообразная по формам, динамичная, творчески поисковая, в современном понимании по-настоящему инновационная педагогическая деятельность. Никакого авторитаризма в жизнедеятельности временных детских коллективов не мыслилось и не допускалось. Организаторы экспериментальной работы противопоставили казарменной дореволюционной народной школе образцы чуткого, гуманного индивидуального подхода к ребёнку. Опыт выявил устремлённые в будущее перспективные идеи, актуальные и в настоящее время: недостаточна социализирующая, культурно-просветительская работа только с детьми, надо работать с родителями и местным населением, иначе культурная деятельность будет оторвана от жизни.

Инициаторам социальных экспериментов дореволюционного периода В.С. Пируцкому, С.Т. Шацкому, В.П. Кашенко удалось своим поучительным подвижническим примером доказать педагогам будущего возможность и необходимость решения основной задачи – обеспечить педагогически организованную, целесообразную и психологически комфортную атмосферу для удовлетворения познавательных склонностей, интересов и потребностей воспитанников. Все это позволило приблизить главную цель – воспитывать личность, способную прогрессировать в своём развитии, несмотря на консервирующее влияние среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пируцкий В.С.* Детские летние колонии Томского общества содействия физическому развитию в 1897 г. Томск : Типография П.И. Макушина, 1897. 34 с. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 438. Оп. 1. Д. 3. 19 л.
2. *Пируцкий В.С.* Обращение Томского общества содействия физическому развитию о сборе средств на содержание летних и зимних колоний // ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
3. *Пируцкий В.С.* Хроника. О школе-колонии Томского общества содействия физическому развитию // ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 10. Л. 17–18.
4. *Пируцкий В.С.* Охрана детства как воспитание. ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–5.
5. *Кашенко В.П.* Педагогическая коррекция: Исправление недостатков характера у детей и подростков : кн. для учителя. 2-е изд. М. : Просвещение, 1994. С. 205–206.
6. *С.Т. Шацкий:* работа для будущего. Документальное повествование : кн. для учителя / сост. В.И. Малинин, Ф.А. Фрадкин. М. : Просвещение, 1989. С. 88–99.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 сентября 2013 г.